

Честь — нести свет во тьму

ФОНАРЩИЦА

КРИСТАЛ ДЖЕЙ БЕЛЛ

Crystal J. Bell

LAMPLIGHTER

Кристал Джей Белл

ФОНАРЩИЦА

*Перевод с английского
Дмитрия Шепелева*

*Посвящается моим мальчикам:
Моггету, который был со мной с самого начала,
Роузну, который всегда был рядом,
и Патрику, которого я безумно люблю.*

ГЛАВА 1

ПА НАШЛИ ВИСЯЩИМ в петле на северо-западном фонаре, стремянка валялась в грязи.

Неважно, сколько времени прошло. Всякий раз, как я приближаюсь к этому фонарю, будь то днем или ночью, я чувствую, как эта сцена давит на меня. И сегодняшний вечер не исключение. Чугунный столб местами проржавел, но надежно стоит в ожидании, когда я зажгу фитиль в стеклянном коробе. Его вид пригвождает меня к земле, заставляя вспомнить то ужасное утро: тело Па покачивается на ветру, скрип веревки, шепот, громкий, как пчелиный рой, и назойливый туман, словно подглядывающий за мной.

Чей-то смех дальше по улице, глубокий утробный звук выводит меня из оцепенения. Мимо проходят двое мужчин, приподнимая шляпы в знак приветствия, и я моргаю. Ответив им кивком, я снова перевожу взгляд на фонарь. Ничего необычного: фонарь как фонарь. До меня доносится скрип, словно затихающее эхо воспоминания, но это просто корабли на реке. Па тут нет. Он умер четыре года назад. Я прокашливаюсь, и ко мне возвращается чувство реальности, утверждая меня в настоящем. Я стискиваю ручной фонарь и подтягиваю наплечную сумку, не обращая внимания на боль, мою вечную спутницу.

Наконец я миную злополучный фонарный столб, и сердце уже не так колотится. Вдалеке, вздымаясь

выше крон деревьев, покачиваются мачты. Ропщут на свои оковы китобойные суда, пока их не убаюкает мягкий плеск воды в гавани. Скоро из леса выползет туман, живой и дышащий, и разольется по улицам в меркнувшем свете закатного солнца, он опустится на пристань и полностью поглотит уорблерский порт. Здания и суда растворятся. А люди? Обратятся в призраков, вечно блуждающих во мраке. Но не в мою смену.

Впрочем, первым делом колокол. Он висит посреди двора, перед зданием ратуши. Поддерживающая его деревянная арка — спроектировал ее Гидеон, до неприличия известный в Уорблере корабельный резчик, — сделана из черной акации. На твердом дереве протравлена погоня китобойного судна за китом по бурным, пенным волнам. В детстве мы с Джози гладили пальцами кита на удачу.

Мои пальцы нащупывают привычный путь по древесине, касаясь краев, сглаженных годами этой традиции. Я снова обратилась к ней примерно полгода назад. Джози засмеял бы меня, если бы увидел. И все равно я снова поглаживаю кита, прежде чем позвонить в колокол. Перед самым заходом солнца я бью в набат, и начинается моя смена. Чистый звук бодро разносится по Уорблеру в зябком воздухе. Трижды колокол звучит у меня за спиной, его песня заставляет веревку вибрировать и по ней переходит мне в руку. Передав этот удалой сигнал — констебли будут знать, что не нужно посылать Генри выполнять мою работу, — я отпираю дверь в сарай возле ратуши. Там беру стремянку и мешок с тряпкой для протирки, запасными фитилями, ножницами Па, скребком для стекла и кое-какой мело-

чевкой, на всякий пожарный. Лучше быть готовой ко всему.

До первого фонарного столба от уорблерского колокола рукой подать; его огненный цветок послужит для местных ориентиром вблизи ратуши, школы или церкви. До фонарного столба три здания. Я прислоняю стремянку к фонарю, взбираюсь, открываю стеклянную створку, счищаю и стираю весь нагар со стекол и жестяных отражателей, подрезаю и зажигаю фитиль. Затем спускаюсь и иду дальше, к следующему фонарю. И к следующему. После каждого зажженного фонаря я отмечаю позади вздохи облегчения, а с ними и улыбки редких прохожих. Свет — залог удобства. Надежности. Надежды. Привычный уклад и рутина вселяют спокойствие в жителей Уорблера, штат Коннектикут. Сознавая, что это моя заслуга, я иду по безлюдным улицам с гордо поднятой головой.

Совсем скоро я подхожу к Зеленому парку. В центре стоят скамейки, окруженные растительностью. Некогда яркие цвета поблекли, листва шелестит на осеннем воздухе. Мало кто бывает в парке после наступления темноты, не считая Бенджамина, местного пьянчужки. Он уже занял свое привычное место на одной из скамеек поближе к фонарю в круглом дворике. От его, к счастью, спящей фигуры разит навозом и потом. Я буду избавлена от его пьяного бормотания и мерзкого звука, с каким он облизывает растрескавшиеся губы, глядя на меня за работой.

Туман приходит тихо, как мертвые. Он стелется из-за редких деревьев к северо-западу от Зеленого, затем поднимается над ручьем и растекается между сухими цветочными стеблями по дворiku. Я хмурюсь. Туман раньше обычного. Если проснется Бенджа-

мин, он может решить, что все еще дремлет и парит на облаке.

Хотя туман приходит каждый вечер примерно в одно и то же время, Уорблер не в состоянии подстроить под него свои часы. Отсюда важность колокола. Когда тот начинает петь, лучше поспешить домой, но, если туман наползет раньше ожидаемого, Уорблер знает, что я где-то рядом. Освещаю всем путь.

Я улавливаю какое-то движение. Две молодые женщины идут к Зеленому по каменному мосту, приближаясь ко мне, словно привидения. Туман скрывает вместе с их синими юбками и ноги. Едва я слегаю со стремянки, они тут как тут. Та, что повыше, Молли, несет плетеную корзину с разноцветными тканями и кружевами. Она, как всегда, приветливо мне улыбается:

— Привет, Темперанс*.

Я киваю:

— Привет, Молли, Сюзанна.

Им обоим лет по шестнадцать, они ровесницы Пру, хотя мне не верится, чтобы Пру водила с ними компанию. Эти две особы обеспечены получше, чем наша семья. Отец Молли — известный в Уорблере аптекарь, а отец Сюзанны — самый преуспевающий торговец в нашем порту.

Сюзанна резко кивает мне в ответ и косится, наморщив нос, на Бенджамина. Его масляный взгляд все так же затуманен сном. Я снимаю кепку и заново закалываю медную косу. Она распустилась, пока я соскребала особенно стойкий нагар с задней створ-

---

* Temperance (англ.) — умеренность, воздержанность (здесь и далее примечания переводчика).

ки. Корзинка Молли снова притягивает мое внимание. Голубая шелковая лента поблескивает на свету. Мои пальцы так и чешутся прикоснуться к гладкой ткани. Я снова надеваю кепку и вытираю перепачканные сажей руки о грубые штаны.

— С визитом к швее, как погляжу. Особый повод?

— О да. — Молли рассеянно теребит полоску белого кружева. — Это для Собрания в пятницу. Ты придешь?

В последние две недели все только и говорят о Собрании. Даже Пру в восторге от возможности наконец-то встретиться с таинственным кавалером, который начал писать ей в начале лета. Если бы я получала по шиллингу за каждый раз, когда она вспоминала его, мы втроем с мамой могли бы безбедно прожить остаток наших дней. Должна признаться, мне тоже не терпится выяснить, кто он такой. Романтические письма могут вскружить голову моей сестре, но я тверже стою на ногах. Как подсказывает опыт, если к тебе обращается мужчина, у него обычно корыстные мотивы. А зачем бы еще он скрывал свою личность?

— Темперамс вряд ли сможет прийти, Молли.

Надменный тон Сюзанны вырывает меня из тревожных мыслей и возвращает обратно в парк. Она приподнимает темную бровь и окидывает меня взглядом от стоптанных ботинок и залатанных грязных брюк до поношенной куртки и кепки:

— В конце концов, нельзя являться в чем попало.

У меня вспыхивают щеки.

— Мне есть что надеть.

— Все приходят в чем попало. — Локоть Молли касается бока Сюзанны. — Ты просто не хочешь,

чтобы другие отвлекали на себя внимание и получали любезности, которые иначе перепали бы тебе.

Сюзанна издает неподобающее леди фырканье, чего ни за что бы не сделала на глазах у ватаги уха-жеров:

— Да уж как же...

Я покряхтываю. Приоритеты Сюзанны имеют мало общего с моими. Ее мир вращается вокруг поисков подходящей партии, чтобы завести семью. С чего она увидела во мне соперницу, мне неизвестно. Я понимаю, что свои притязания надо отстаивать, но не обязательно поступаться приличиями и этикетом.

Так или иначе, у меня нет времени на пререкания. Пока мы говорили, туман подобрался к нашим коленям. Очередные фонари на моем маршруте — в деловом районе. Туман, вне всяких сомнений, уже добрался до пристани. Я нетерпеливо приотптываю под влажной пеленой.

— Это неважно. Я подойду, когда смогу, но зажигать фонари — дело первостепенное, в отличие от танцев и светских бесед. — Я сверляю взглядом Сюзанну, но ей хоть бы хны.

— О, да ведь не всю ночь напролет ты будешь их зажигать. — Молли надувает губы, и я отвлекаюсь от Сюзанны, закатившей глаза. — У тебя должно быть время на празднество вместе со всеми.

Конечно, зажечь фонари — дело не на всю ночь, на все про все уходит часа два. Но этим девушкам невдомек, им не приходится работать, чтобы содержать безучастную мать и заботиться, чтобы сестра ни в чем не нуждалась. Что с них взять? Они вольны думать только о себе. Мне же непозволительно тешить себя такими мыслями. Непозволительно мечтать о

другой жизни. Может быть, когда-нибудь. Будем надеяться.

— И потом, — продолжает Молли, не подозревая, как у меня защемило сердце, — разве «Мириам» не возвращается на днях? Уверена, Джози будет рад отпраздновать с тобой.

Сюзанна бросает на нее злобный взгляд. Эта девушка могла бы вести уроки чванства во всех мыслимых видах. Но даже ее недоброжелательность не останавливает прилив чувств, захлестнувших меня. При одном упоминании о Джози мои губы растягиваются в улыбке, а в животе теплеет от светлячков.

— Да, «Мириам» пора бы вернуться, но посмотрим. Вы знаете не хуже меня, какой темпераментной бывает Атлантика.

Я не могу совладать с дрожью в голосе. Весной, перед отплытием, нашей китобойной шхуне требовался бондарь, и Джози не замедлил воспользоваться шансом. Одна мысль о том, что его судно не вернется в намеченный срок, грозит напрочь лишить меня самообладания. Прятать подальше все мысли о Джози до его возвращения — вот мой единственный способ сохранить рассудок. Но это не всегда легко.

Я нарочно хватаюсь за стремянку:

— Я извиняюсь, но мне на самом деле уже пора.

Сюзанна уходит, задевая меня юбкой и не сказав ни слова. Молли только вздыхает и ласково мне улыбается. Русый локон выбивается у нее из-под шляпки, добавляя лицу мягкости.

— Что ж, я надеюсь, ты передумаешь и придешь. Передавай Пруденс* привет от меня.

---

* Prudence (*англ.*) — благоразумие, рассудительность.

Когда они скрываются за деревьями, в парк возвращается тишина. Ну, почти. Спорадический храп Бенджамина продолжает сотрясать воздух, а над головой у меня шелестят деревья.

Солнце зашло, и сумерки вступили в свои права, но скоро опустится тьма. Я перехватываю поудобней стремянку под мышкой. С фонариком в руке иду быстрым шагом из Зеленого к витринам магазинов. Как я и ожидала, туман уже добрался до делового района и медленно поглощает фасады бондарной мастерской, кузницы и скобяной лавки с ненасытным аппетитом. Тени оживают, и я почти готова поверить, что рядом со мной кто-то есть.

Суеверные слухи облепили наш порт, как насекомые — труп. Они исходят не только от старожиллов. Здесь так много людей со всех уголков мира, что до меня доходит молва о речных келпи, африканских водяных, которые увязываются за кораблями в порт, и о вилах*, заманивающих и топящих мужчин. Духи китобоев, пропавших в море, приходят, чтобы лишить жизни тех, кто вернулся из плавания. Один из местных утверждает, что единственный оберег от беды — это жемчужина, найденная в наших речных устрицах. Все суеверия друг друга стоят.

Впрочем, не стану отрицать, что туман любит подшутить. Он по пятам преследует меня. Побуждая ступать куда не следует. Но я могла бы обойти эту деревню с завязанными глазами и не сбиться с пути. Вообще-то я так уже делала. Мы с Джози играли в та-

---

* Келпи — коварные водяные духи в виде лошадей из шотландской мифологии; вилы — мифические девы-обольстительницы из сербской мифологии.

кую игру еще до того, как он стал подмастерьем бондаря. Он брал ленту и завязывал мне глаза, кружил меня и говорил, куда идти. Я ни разу не ошиблась.

«Как тебе это удается, Темп? Ты колдуешь или что?» — спрашивал он с трепетом в голосе. «Нет, конечно. Это все выдумки. — Даже сейчас я помню, как у меня потеплели щеки от удовольствия. — Да и какая польза в таком навыке?» — «Польза есть, и ты это знаешь».

Джози был прав. Когда приходит ночь, а с ней и неизбежный туман, только фонари не дают редким прохожим заблудиться — подобие надежности в таком месте, где люди то и дело пропадают без вести. Если найдется тело, у нас будут ответы, и мы сможем что-то решить. Но в нашем морском порту такие подачки — редкость, черная метка, от которой нам никогда не избавиться. Туман напоззает из леса к северу от городка, накрывая Уорблер волной безвестности, и, если не держаться фонарных столбов, сгинешь навеки. Но я всегда найду дорогу. Па об этом позаботился.

Даже если бы я не знала, где нахожусь, лихой смех и крики, доносившиеся из таверны, подсказали бы мне. Британские, голландские и испанские диалекты вперемешку с другими, неизвестными мне. Фонарь перед входом, как безмолвный свидетель, наблюдает за группкой мужчин: те стакаются* о чем-то, бьют по рукам и запрокидывают головы для выпивки. Новые бражки — черные, мулаты, белые — выкатываются из таверны на улицу, словно цветные шарики.

---

* Стакнуться — тайно сговориться, вступить в соглашение.

Некоторые смутно мне знакомы, успели примелькаться.

Китобойное судно этой команды прибыло на неделе из Нью-Бедфорда, не слишком далеко к северу от нас. Расползся слух, что за несколько недель до того, как они должны были выйти в плавание, носовая фигура, венчавшая их корабль, треснула. Плохой знак. Поскольку они люди суеверные и предпочитают не рисковать, бороздя моря вопреки предзнаменованиям, они отправили в Уорблер гонца и поручили нашему корабельному резчику изготовить новую фигуру. Когда корабль вышел в море, капитан направил его сюда, чтобы принять фигуру, прежде чем снова выйти на промысел.

Уорблерский порт славится, помимо прочего, счастливыми носовыми фигурами.

И пока Гидеон заканчивает новую фигуру, наша таверна развлекает китобойную команду. Кроме того, корабли, которые строят или чинят на нашей верфи, — это заходящие китобойные суда, приносящие немалую выручку деревне. Обычно мы миримся с пьяной удалью их моряков, пусть и неохотно. Я иду по краю дорожки, чтобы не обращать на себя лишнего внимания.

Остановившись под фонарем, я замечаю Дэвида, рыбака из местных. Он стоит привалившись к стене, с курительной трубкой в скрюченной руке. Он склоняет голову, его лицо — твердая, задубелая кожа и мягкая нечесаная борода.

— Добрый, Темперанс.

— Дэвид, — киваю я.

Один из китобоев поворачивается ко мне, отводя кружку ото рта. Настоящий верзила, нависает над

всеми. Спорить готова, что он мог бы без труда обхватить четверых своих спутников. И поднять, наверное. От его взгляда у меня сводит желудок. Когда на тебя так пристально смотрят, быть центром внимания очень неудобно. Я натягиваю кепку до предела, прежде чем приставить к фонарю стремянку и взобраться на нее.

— Темпера́нс? Мужик с девичьим именем?

Его голос оправдывает мои опасения: низкий, сардонический и хищный. Ответное фырканье разносится над таверной, подобно клекоту стервятников.

— Это не мужик, Леонард, — смеется кто-то еще.

Я бросаю взгляд через плечо на Дэвида, пока китобои судят о моей половой принадлежности. Без этого никак, стоит мне показаться на людях в брюках, но я привыкла к такой реакции незнакомцев. Дэвид потягивает трубку и закатывает глаза. Я улыбаюсь и снова перевожу внимание на стекло.

Чья-то рука сжимает мою ягодицу. Я дергаюсь вперед, налетаю на столб, ахая в негодовании. Стремянка дрожит под ногами.

— Ёксель-моксель! Либо у этого малого самая нежная попка в Новой Англии, либо это баба!

Я слышу, как изо рта брызжет слюна, перемешанная с выпивкой, кто-то кашляет, хохочет. У меня горит кожа от гнева. «Всегда хорошенько подумай, прежде чем отвечать, Темп». Голос Па у меня в голове такой мягкий, интонация вселяет спокойствие, но моим телом сейчас управляет кто-то другой. Я хватаюсь за фонарный столб и пинаюсь наугад. Почти надеюсь, что промахнусь.

Но зря. Мой башмак попадает во что-то твердое, прежде чем отскочить. Вероятно, в плечо китобоя